

Дела на Титане катились к чертям. Находившийся в разъездах Планк Вейль едва ли не каждый день получал пространные письма от Анни Шуберт. Становилось очевидно: преемница его собственного ученика с лавиной проблем явно не справлялась. Поняв это, Планк решил не затягивать командировку и распорядился готовить корабль к досрочному возвращению.

Планк родился в ту эпоху, когда традиционный институт человеческой семьи ещё не угас окончательно, так что в его окружении хватало людей сентиментальных. Но в отличие от сослуживцев, которые даже под огнём умудрялись тосковать по родительскому дому, Планк в бою действовал хладнокровно и решительно. Ирония судьбы: именно эта безжалостная практичность и сохранила ему жизнь.

Уцелев в мясорубке, он поймал удачу за хвост. Сразу после демобилизации Планк умудрился выбить максимальную стипендию от военного ведомства. Этих денег хватило, чтобы поступить на финансовый факультет — именно там и началось его восхождение к вершинам. Да, финансы. И пусть профессиональным брокером он так и не стал, зато сколотил приличный капитал, позволивший ему учиться дальше, ни в чём себе не отказывая. Благодаря этому нетривиальному выбору он со временем занял пост председателя Ассоциации академий, став первым в истории военным на этой должности.

Своих главных научных успехов он добился бок о бок со своим лучшим учеником. Тот триумфальный день увенчался пышной церемонией награждения, дипломами и баснословной премией. С тех пор из памяти Планка стёрлись сотни деталей, но он до сих пор помнил парадный костюм, который надел в тот вечер. Его выбрал Эрвин Герман. На воротнике висел едва заметный спиралевидный узор — этот наряд и впрямь сидел куда лучше всего, что Планк когда-либо подбирал себе сам.

Помнилось и другое... В тот день они, по неопытности не умевшие уворачиваться от назойливых репортёров, попались в объектив прямо за кулисами. На снимке Планк стоял, чуть наклонившись, а Эрвин сосредоточенно поправлял ему галстук... Он вовсе не собирался ворошить прошлое. Воспоминания нахлынули сами, когда Планк раздевался перед душем и из кармана брюк на пол скользнуло старое портмоне.

Лицо на выцветшем снимке казалось почти чужим. Впрочем, неудивительно — они не виделись добрых полвека. С тех самых пор, как Эрвин впал в вегетативное состояние, Планк ни разу не переступил порог лаборатории, ставшей для его ученика вечной тюрьмой. Он бросил короткий взгляд на фотографию, защёлкнул портмоне и небрежно положил его на столик.

Из-за двери донёсся вежливый голос помощника, явно обеспокоенного долгой тишиной:

— Господин председатель, у вас всё в порядке? До начала совещания остался час.

— Спасибо, справлюсь сам, — отозвался Планк.

Он принципиально отказывался от биочипа с системой «Оуэн», из-за чего его повседневный быт усложнялся массой старомодных мелочей. Чтобы не тревожить подчинённого, Планк страхнул наваждение, поднялся с кресла и шагнул в ванную.

Над раковиной висело зеркало. Отражение встретило его привычным, ледяным и уверенным взглядом, но сам Планк знал: внешность обманчива. Прямо сейчас внутри у него царил полнейший раздрай. Очередная волна неумолимой ностальгии заставила его горько усмехнуться. Оказывается, даже у таких, как он, есть предел прочности. Оказывается, он обычный человек...

Правда, для остального мира Планк Вейль оставался полубогом. Его безупречные манеры и аура превосходства кружили головы обывателям, так что, когда в приличном обществе хотели скоротать вечер за светскими сплетнями, его персона становилась главной темой для обсуждения.

Когда вонючие клешнекрылые соколы наконец закончили свои брачные игры и уползли обратно под землю, Шлиффен и Эрвин вновь завывали от скуки. Эрвин рассудил, что развивать тему низкопробного порно больше не стоит, и, верный старой академической привычке чесать языком обо всём на свете, перевёл разговор на Планка.

Планк Вейль относился к той редкой породе мужчин-Альф, которые умудрялись вызывать искреннее восхищение даже у себе подобных. Звучало двусмысленно, но Шлиффен, едва взглянув на голографический снимок председателя, вынужден был это признать.

— Если ваш маршал Йоханнес Зект — это гривастый, слепящий роскошью лев, то председатель Ассоциации — вылитый персидский леопард, — восхищённо заметил Шлиффен, методично орошая комнату освежителем воздуха. — Грация в каждом движении.

— И что это за зверь такой? — поинтересовался Эрвин.

— Крупный хищник из семейства кошачьих, самый матерый среди леопардов, — со знанием дела пояснил лейтенант. — Шкура у него светлая, точь-в-точь как шевелюра вашего босса. Мало того что это сильный и опасный зверь, так он ещё и терзает добычу с какой-то изысканной жестокостью. Счастлив просветить столь выдающегося учёного... К слову, эти вонючие пушистики, конечно, забавные, но вонь от них несусветная. Пускай твой антикварный жестяной друг берёт баллон и помогает мне.

Старый аэрозоль давно выдохся, форсунка забилась, и распылять средство приходилось чуть ли не ногтями.

Ивэнь глухо проскрежетал:

— Но мне ещё нужно приготовить ужин, господин Герман...

— Иди помоги лейтенанту, — мягко прервал его Эрвин. — В комнате действительно дышать нечем.

Робот замер с безмолвным укором.

— Премного благодарен! — Шлиффен выудил из ящика свежий флакон и всунул его в манипулятор андроида.

— Мои когнитивные цепи протестуют против столь нерационального использования ресурсов, — вздохнул Ивэнь.

— Скажи честно, — Шлиффен нажал на клапан, — ты пошёл к нему в ученики, когда увидел этот его портрет? Будь я Омегой, я бы заваливал этого красавца любовными письмами каждый божий день.

— Вовсе нет, — Эрвин искренне рассмеялся. — Ну и наивный же ты, лейтенант.

— А ради чего тогда?

— Ради финансирования, разумеется!

Шлиффен и робот синхронно застыли, уставившись на него.

— Что?.. Это кажется вам странным? — теперь уже Эрвин недоуменно повёл плечами. — Какими бы мотивами я ни руководствовался, вы, господа, продолжайте работать руками. Заранее спасибо.

Лейтенант и андроид послушно зашипели аэрозолями.

— В Ассоциации уйма вакансий, — продолжил Эрвин, — но львиная доля — это независимые стартапы. А значит, выбивать бюджеты приходится самому. Если хочешь пристроиться к сытому, упакованному проекту, нужно выбирать правильного куратора. Я в коммерции никогда не смыслил, так что искал самого богатого «папочку» в научном мире. Им и оказался Планк Вейль. А то, что на его плечах по чистой случайности сидела чертовски породистая голова... Лейтенант Шлиффен, к чему эта скорбная мина?

— Вы продались за презренный металл? — притворно ужаснулся Шлиффен. — Будь я на месте председателя, я бы горько разрыдался от такого цинизма!

— С чего бы? Планк был в восторге. Его секретарь потом признался, что я оказался единственным Омегой на курсе, у которого при взгляде на босса не текли слюни.

— Ага, потому что они текли при взгляде на его счета.

— Точно! — с гордостью подтвердил Эрвин. — В вопросах грантов Планк был щедр как император. И, признаться, его щедрость превзошла все мои смелые ожидания. Стоило мне составить мало-мальски вменяемую смету, как он тут же подписывал чеки. Я чувствовал себя... ну, будто работаю прямо внутри швейцарского банка, понимаешь?

— Господин Герман, держите себя в руках, — деликатно вставил Ивэнь, закручивая колпачок на пустом флаконе.

— Словом, — подвёл итог Эрвин, — настоящая наука требует больших вливаний. Кстати, лейтенант, у вас баллончик пустой. Из него уже ничего не летит.

Шлиффен с досадой отставил жестянку, окинув собеседника скептическим взглядом:

— Ладно, с вами всё ясно. А Планку-то какая корысть была с вами возиться? Что он в вас нашёл?

Эрвин на секунду замялся. Вопрос и впрямь застал его врасплох.

— Ну... Вероятно, его увлекли мои теоретические выкладки?

Хотя, если подумать, это было сомнительно. Будь это правдой, они бы не сменили вектор совместных исследований на диаметрально противоположный уже через полгода после знакомства.

— Только не говорите, что вы ни разу об этом не задумывались, — прищурился Шлиффен.

А ведь действительно — ни разу.

Шлиффен активировал свой терминал и принялся лениво листать досье на Планка Вейля. На сей раз помимо эффектных портретов он пробежался глазами по краткой биографии.

— Судя по всему, у вашего наставника подобралась весьма рафинированная публика. Интеллигенция в десятом поколении.

— Это на что ты намекаешь? — Эрвин оскорбился бы за себя, ведь он тоже считал себя верхом изящества.

Вместо ответа лейтенант красноречиво кивнул на валявшуюся на столе детскую книжку-раскраску, исчерканную неумелыми каракулями Эрвина. Профессор тут же смущённо замолк.

— Странное дело, — разоткровенничался Эрвин. — Я ведь перечитал прорву классической литературы, в искусстве разбираюсь. Честно! Но стоит самому взяться за перо или кисть — выходит сущий кошмар. Парадокс какой-то. Как по мне, написать поэму во сто крат сложнее, чем составить самый сложный алгоритм.

Шлиффен охотно верил, что багаж знаний у профессора солидный. Обычный обыватель вряд ли цитировал бы Бертольта Брехта. И всё же в голове не укладывалось, как эрудит, знающий Брехта, умудрялся изрекать нечто вроде: «О, я чувствую так много звёзд!» Полный абсурд.

— А вы пробовали сочинять?

— Боже упаси.

— Так попробуйте прямо сейчас. Напишите стихотворение.

— Ну уж нет! — Эрвин отчаянно замахал руками. — Мой мозг расплавится. Не хватало ещё, чтобы у меня голова разболелась.

— Профессор, помилуйте! — хохотнул Шлиффен. — В вашем нынешнем состоянии голова — это единственное место, которое в принципе болеть не может!

Эрвину оставалось лишь молча проглотить эту пилюлю. Возразить против такой железобетонной логики было нечего.

— Бросьте. Из критиков здесь только один конвоир, ходячий раритет, да вон те вонючие пушистики, что уползли под землю. Или вы боитесь, что вас поднимет на смех язычковая трава за окном? — вполне серьёзно подначил его лейтенант.

— Мнение сорняков меня не волнует. Я человек широких взглядов и чужд предрассудков. Просто у меня нет поэтического дара.

— А вы пишете о том, что знаете досконально. Например... — Шлиффен потёр подбородок. — Напишите о Планке. Вы ведь работали бок о бок не один десяток лет. Кому, как не вам, знать его привычки?

Разум Эрвина превратился в чистый лист. Ни единого мало-мальски поэтичного слова, ассоциирующегося с председателем, на ум не приходило.

— Начните с простого. Какого цвета его шевелюра? — мягко подсказывал Шлиффен.

— Жёлтая.

— Проявите фантазию, подберите метафору!

— Ну... очень жёлтая.

— Скажем, благородного платинового или пепельного оттенка, — вздохнул лейтенант, сверяясь со снимком. Волосы Планка действительно отливали благородным серебром с едва уловимой желтизной. — А теперь вспомните какую-нибудь знаковую историю из вашего прошлого. Пусть даже сущую нелепицу.

— Хм, знаковую историю?.. — Эрвин задумался. — Как-то раз в столице отмечали один из этих их бесконечных праздников. Кажется, «День памяти кемпинга в гамаках». Горожане толпами валили в пригороды со своими палатками и сетками, так что мегаполис практически вымер. Планк решил воспользоваться затишьем и затащил меня в один новомодный ресторанчик, куда давно мечтал попасть. Помню, заведение было исключительно вегетарианским. Гостям там с порога наливали бесплатный свежавыжатый сок из стручковой фасоли. Гадость несусветная. Так вот, Планк заказал фирменную рыбу — разумеется, соевую. И что бы ты думал? Он умудрился подавиться костью! Представляешь уровень абсурда? Эти гении кулинарии мало того что слепили фальшивое филе из сои, так они ещё и кости туда засунули — тоже из каких-то спрессованных волокон! Бедный Планк заливал в себя литры этого фасолевого зелья, но тщетно. Пришлось мне везти главу Ассоциации в травмпункт, чтобы дежурный хирург пинцетом доставал этот шедевр высокой кухни из его августейшего горла. Пожалуй, это самое яркое воспоминание за все годы нашего знакомства. У меня всё.

Лейтенант Шлиффен слушал этот кулинарный триллер с таким выражением лица, будто фасолевая кость застряла прямо сейчас у него самого.

— И вы хотите, чтобы я превратил этот анекдот в сонет? — Глаза Эрвина лихорадочно блеснули, словно в его синапсах наконец замкнуло нужную цепь. — Постой! Кажется, я поймал музу за хвост. Слушай!

— Постойте, Эрвин, я вовсе не...

— Молчи, записывай! — Профессор продекламировал с выражением:

* «Тот летний день весёлый наступил,*

И город весь в гамачные края уплыл.

Твои власы, как пепел, пожелтели знатно,

Мы в ресторан пошли, где кушать вегански приятно.

Рыбёшка соевой была, и кости в ней — трава,

Но глотка пострадала от фальшивки сперва.

Фасоли сок застрявший сучок не смыл,

И доктор в клинике пинцет вонзил.

Ты взвыл тогда и молвил: „Смерть еде без мяса!“

О, память яркая того безумного часа!»

Эрвин так и сиял от гордости:

— Ну как? По-моему, превосходно! Слог лёгкий, рифма безупречная. Дай мне ещё минутку, я допишу финал.

— Нет-нет-нет, умоляю, пощадите! — взмолился Шлиффен, выставя ладони вперёд.

— Но здесь едва ли наберётся десять строк! До классического сонета не хватает четырёх!

— Вы это серьёзно?! — Лейтенант в отчаянии схватился за голову. — Клянусь, профессор, не будь вы парализованы, я бы самолично взгрел вас за такое надругательство над поэзией!

Защита Омеги — священный инстинкт любого Альфы. Но прямо сейчас этот конкретный Омега умудрился всего за пару четверостиший довести сурового офицера до иступления. Спасало лишь то... что бедолага был прикован к постели.

— Да у вас не просто превратное представление о рифме, вы объявили войну всему литературному наследию человечества! — Шлиффен страдальчески зажмурился. — Только скажите, что вы никогда не отправляли это безобразие председателю.

— Разумеется, нет, — фыркнул Эрвин. — Планк — человек практичный и сухой. Всё, что его интересовало в моих бумагах — это графа «Итого» в сметах. Стал бы я переводить на него творческий потенциал.

Лейтенант шумно выдохнул, чувствуя, как от сердца отлегло.

— А вот Анни мои ранние стихи читала, — протянул Эрвин, и в его голосе проскользнули тёплые, меланхоличные нотки. Он уставился в окно, погружаясь в воспоминания об Анни Шуберт. — Мои первые пробы пера и впрямь оставляли желать лучшего, но сегодня, видит бог, случился настоящий прорыв... Знаешь, она ведь совсем не похожа на Планка. Ни капли. Обычная, простодушная девчонка, которая слишком много терпела. Очень хорошая была девочка.